

Королевский раб (Часть 2)

Почесав затылок, я попытался спросить: «Надеюсь, я всё правильно понял, но Калдеран, ты хочешь сказать, что Ильдеа не взяла на себя роль Принцессы?»

Мужчина ответил коротким кивком.

«Что? Это не правда! Я ...» Ильдеа встала и упрекнула его, но Калдеран заставил ее замолчать.

«Если бы ты действительно хотела действовать и взяла на себя все обязанности своей роли Принцессы этого королевства, то с того самого момента, как ты это сделала, ты бы искала способы защитить его от внешних воздействий, улучшить жизнь людей независимо от того, были ли они дворянами или нет, проявлять свои права и власть над теми, кто хотели использовать их как свои собственные. Скажи мне, Принцесса, когда ты в последний раз пользовалась властью и правами титула и не позволяла другим решать за тебя?» - он прищурился, пронзая ее взглядом.

Ильдеа долго молчала, ее кулаки были сжаты, а глаза смотрели на землю у ее ног. Она была расстроена, но не ответила, может быть, она не знала, что?

Пока они выясняли отношения, я выслушал аргументы Калдерана, и, действительно, я обнаружил, что они что-то значат. То, что он сказал, вызвало у меня боль в груди, но я не знал, что за этим кроется.

«Это может быть правдой... но... другие... когда характер отца изменился и...» она попыталась заговорить, но ее слова были подкреплены слабостью и безнадежностью, которые она чувствовала в этот момент.

«Это оправдания, а не действия. Не обвиняй других за отсутствие воли и желания у тебя действовать на благо. Один мудрец однажды сказал мне, что легко обвинить кого-то, но чертовски трудно смотреть в зеркало и признавать свои ошибки. Чем больше ты пытаешься найти вину в других, тем труднее тебе будет принять текущую ситуацию, как она есть, а затем сосредоточиться исключительно на поиске решения». Калдеран перестал смотреть на нее, а затем опустил взгляд на свое оружие.

Когда я увидел это, он напомнил мне человека, который проповедовал теорию не из книги, а скорее из своего горького опыта.

«Ильдеа, я думаю, он прав, и хотя это звучит несправедливо, ты знаешь, он сказал правду. Но знаешь что?» Я нежно улыбнулся ей: «Я не думаю, что это имеет значение, что ты думала и как ты видела вещи до сих пор. Ты человек, ты растешь, ты учишься, ты приспосабливаешься. Сделала ли ты ошибку сейчас или нет, это не имеет значения. Как сказал Калдеран, лучше всего сосредоточиться на решении».

Ну, мне было нелегко сказать все это, но когда дело дошло до этого, и мне, и Ильдее пришлось применить это на практике. Я ничем не отличался от нее в этом вопросе. Вернее, я даже не мог включить в свой список ни одной роли, которую хотел бы взять на себя в этой жизни. Конечно, я иногда знал, что я хотел бы сделать и чего добиться, но роль казалась мне чем-то другим.

Видя, что Ильдеа не ответила, Калдеран вздохнул и сказал нам: «Если ты не знаешь, какие

роли взять на себя, попробуй подумать о том, какие роли есть и какие роли взяли на себя другие люди. Ну, если тебя это не волнует, ты можешь просто проигнорировать меня, это мало что значит для меня». Он пожал плечами.

«Роль ... Я никогда не задумывалась о том, какую роль я могу на себя взять, какова была моя роль в политике этой страны. Как Принцесса, я не думаю, что у меня есть такая большая свобода выбора ... В тот момент, когда я вернусь к матери, моя способность делать что-либо станет почти ничтожной», - пока Ильдеа продолжала говорить, тон ее голоса медленно становился бессильным и печальным.

Я был не единственным, кто это заметил. Калдеран недовольно нахмурился и бросил на нее сердитый взгляд.

«Тебе так промыли мозги дворяне в твоём дворце, что сейчас ты не видишь себя ни дворянкой, ни принцессой? Теперь ты похожа на нас, простолюдинов, которые могут умереть на обочине дороги и которых все игнорируют, когда они проходят мимо. Власть, цепи, которые тебя сковывают, отсутствие свободы, о которой ты говорила, где это здесь, в этом месте? Где те правила, которые сдерживают твою мораль и этику?» - спросил он, хотя и насмешливым тоном.

Ильдеа не очень хорошо восприняла его ответ, она посмотрела на него так, словно собиралась оторвать ему голову, но потом что-то произошло. Взгляд в ее глазах смягчился, а затем она посмотрела на свои две руки. Ее губы задрожали и приоткрылись, шепча какие-то слова, которые я даже не расслышал. Затем она вздохнула и посмотрела на Калдерана.

В ее глазах была глубокая печаль, и слова, которые она произносила, выдавали ужасное одиночество: «Их здесь нет ... Нет цепей, нет веревок, ничего ... Я свободна, но все еще в своей клетке».

«Хочешь ли ты выйти из этого или нет - твой выбор, Ильдеа, а не наш. Ты всегда будешь вольна сделать свой собственный выбор, зависит только от того, осознаешь ли ты это или нет», - сказал нам Калдеран.

«Риша ничего не понимает ... Риша потеряла ...» - сказала женщина, глядя на нас сверкающими глазами.

Я нежно погладил ее по голове, а затем сказал: «Там. Там».

Тамара даже не обращала на нас внимания, она гонялась за жуками в ближайших кустах. Если кто и мог преподать урок свободы, так этот маленький невинный бунтарь.

«Мы должны перестать говорить об этом ...» сказала Ильдеа, отводя взгляд и держась за правое плечо. «Но спасибо ... Ты дал мне пищу для размышлений. Я никогда не думала, что у кого-нибудь хватит смелости сказать мне что-то подобное, и да ... прямо сейчас ... от моего благородства ничего не осталось».

«Хмм!» Калдеран скрестил руки на груди и отвел от неё взгляд.

Эти темы были немного тяжеловаты, чтобы говорить о них без хорошей пинты пива и, возможно, одной или двух бутылок цуйки. Как говорится, когда они слегка навеселе, мужчины склонны обсуждать вопросы философии, политики, науки и женщин, конечно.

Ну, по крайней мере, так говорил мой отец, у меня же никогда не было шанса вернуться на Землю, чтобы напиться со своими друзьями из средней школы.

Хотя эта тема испортила нам настроение, мы продолжили наш путь к Матиасу. Мы все еще были на приличном расстоянии от городских ворот, но я уже заметил нескольких путников, ожидающих своей очереди, чтобы получить разрешение от стражи.

«Представьте себе, если бы у них было понятие паспорта», - сказал я однажды.

«Что такое «паршкорт»?» - спросила Риша, наклонив голову при этом странном слове.

«Документ, который идентифицирует тебя как законного резидента в определенной стране. Обычно от тебя требуется носить его с собой куда угодно, но на этом континенте такого нет. Большинство людей используют либо карту гильдии, либо устное сообщение от путешествующего торговца», - пояснил Калдеран.

«Хм? Это не похоже на плохую идею. Может быть, мы могли бы сделать что-то похожее с Картой Гильдии или сделать Карту Гильдии обязательной для всех?» Ильдеа задумалась.

«Разве это не пустая трата благородных денег?» - издевался Калдеран.

«Я начинаю подозревать, что, может быть, я тебе не нравлюсь?» Ильдеа прищурилась, глядя на него.

«Нет, не ты, а эти высокие и могущественные дворяне», - ухмыльнулся он.

«Ты издеваешься надо мной?» - спросила она.

«Ты думаешь о себе как о высоком и могущественном дворянине? О, какой сюрприз!» - заметил Калдеран.

«Достаточно, дети, вы можете откусить друг другу головы после того, как мы поселимся в гостинице». Я сказал обоим.

«Что?» Они оба впились в меня взглядом.

«Мы почти на месте». Я указал на город.

Матиас был как копия Солдры с высокими крепкими стенами, которые защищали людей, живущих внутри, от опасностей, скрывающихся снаружи. Из того, что я мог видеть, было намного больше охранников, патрулирующих стены этого города. Их было почти столько же, сколько в небольшом городе. Если сравнивать с городом на Земле, я мог только представить, что он равен половине Синая или четверти Брашова, но я могу ошибаться. Прошло много времени с тех пор, как я в последний раз видел карту Румынии.

Единственными реальными местами, с которыми я мог сравнить их, были Томерон, Андромеда и Дракария, но разница между этими тремя и этим городом была огромной. Драконы строили высокие сооружения, наполненные чувством силы и превосходства, в то время как те, что были построены человеческими руками, казались, как будто их поразила тяжелая волна депрессии. В них не было ни энергии, ни желания расширяться, ни следов развития. Крестьяне, бродившие по городу, выглядели так, как будто они упадут и умрут в любую секунду. Дворяне даже не смотрели на них, и отношения между мужчинами и женщинами были плачевными, последним было нечего сказать первым. Опять же, эти последние более или менее походили на стандарты человеческих цивилизаций в этом мире.

Пока я размышлял об этом, чтобы успокоить свой разум после того, как меня атаковала

философия Калдерана, я заметил приближающуюся к нам карету на высокой скорости. Она была такого же вида, что и у торговца из нашей предыдущей миссии. Разница была лишь в цвете, эта была темно-коричневой, а не черной.

Еще один работорговец? Я прошел мимо них прошлой ночью, не заметив? Я задавался вопросом, поскольку я не мог вспомнить, чтобы видел их по дороге сюда.

Мы сделали шаг назад и позволили торопливому торговцу добраться до ворот.

Как только он подошел к воротам Матиаса, я увидел человека, одетого в черную мантию с золотыми нитями, который выпрыгнул из кареты и начал спорить с одним из охранников. Другие путешественники выглядели раздраженными, но они были все еще слишком далеко от нас, чтобы понять, что происходит.

«Интересно, что случилось?» - спросила Риша, когда мы были в 50 метрах от них.

«Мне кажется, у него проблемы с документами», - сказал Калдеран.

«Вероятно. О, посмотрите! Охранник заставляет его убрать всех рабов». Я указал.

Торговец был явно взбешен этим, но тот, кто заставил его сделать это, улыбался. Он наслаждался этим.

Это было понятно, и торговец, вероятно, плохо отнесся к нему. Любой может быть раздражен чем-то подобным в такой ранний час, особенно если учесть тот факт, что в этом мире не было такого понятия, как кофе. Или его еще не обнаружил какой-то странствующий исследователь.

«Это довольно хорошие рабы. Они принесут хорошую выгоду», - прокомментировала Ильдеа, но остальные молчали.

Я посмотрел на несчастных, которых вытащили из кареты. Цепи сковывали их руки и ноги, не давая им убежать, а на шее висел тяжелый металлический ошейник. Большинство из них смотрели вокруг опустошенным взглядом, как будто они потеряли всякую надежду.

Большинство из них были людьми разного цвета кожи и разных телосложений. Глядя на них, меня на мгновение удивило, как здесь можно назвать чернокожего человека, когда не было ни Африки, ни Америки, с которыми можно было бы его связать, может быть, черный вариант? Во всяком случае, среди людей были также два гнома и один эльф. Эти трое носили лучшую одежду, чем другие.

Тем не менее, то, что стало для меня неожиданностью, это последний раб, которого вытащили из кареты.

В его глазах все еще была неугасимая воля и свирепость солдата, готового выйти на поле битвы. Его крупное тело и точеные мышцы свидетельствовали о том, что его хорошо кормили, а темно-коричневая чешуя все еще сохраняла свой здоровый блеск. С длинным хвостом на конце с игольчатыми шипами, и парой крыльев, сложенных на спине, этот человек, без сомнения, был полноценным драконом в Пробужденной форме.

«Подождите здесь немного», - сказал я остальным, а затем подошел к дракону.

Я посмотрел ему прямо в глаза, и он совсем не вздрогнул. Он был сильным, а не слабым.

«Кто ты?» - спросил я на Восточном Драконьем языке.

«...» он не ответил.

В его глазах я определенно не был тем, кому он мог доверять, но, возможно, был способ сделать это.

Посмотрев на других рабов, я увидел, что никто из них не обратил на меня внимания, затем я перевел взгляд на торговца. Этот человек все еще спорил с охранником, указывая на свои документы, как будто они должны были что-то значить.

Когда я снова посмотрел на дракона, я на мгновение закрыл глаза, и когда я снова открыл их, они были такими же, как у него, со щелками. Внезапное изменение застало его врасплох, когда он приоткрыл рот и нахмурился.

«Кто ты, дракон?» - снова спросил я на Восточном Драконьем языке.

«Кошун ... Кошун Сейендраухер», - ответил он.

«Что?» Я удивленно моргнул, услышав это имя.

«Я сказал, что меня зовут Кошун Сейендраухер», - повторил он с низким рыком.

<http://tl.rulate.ru/book/948/698595>